АЛЕКСАНДР РУЖ

ТИК-ТАК

ДЕТЕКТИВНЫЕ ИСТОРИИ

Детективные истории (Четыре Четверти)

Александр Руж

Тик-так

«Четыре четверти»

2024

УДК 821.161.1(476)-3
ББК 84(4Беи=Рус)6-44

Руж А.

Тик-так / А. Руж — «Четыре четверти», 2024 — (Детективные истории (Четыре Четверти))

ISBN 978-985-581-686-8

1852 год. Русский военный инженер Алексей Максимов и его жена Анита волею судьбы оказываются вдали от родины, в Вест-Индии. Случай забрасывает их на странную шхуну без опознавательных знаков, которая идет к берегам Южной Америки. На судне нет ни пассажиров, ни ценного груза, и рейс на первый взгляд лишен всякого смысла. Судовой экипаж – десяток разномастных оборванцев, у каждого из которых, как выясняется, есть своя сокровенная тайна. Едва Максимов и его жена попадают на корабль, как на борту начинают происходить необъяснимые события: члены команды гибнут один за другим при загадочных обстоятельствах с разницей всего в несколько часов. Земли поблизости нет, покинуть шхуну невозможно, люди заперты как в мышеловке, и у них есть ровно сутки на то, чтобы понять причины происходящего и попытаться остановить того, кто затеял эту смертельную игру…

УДК 821.161.1(476)-3
ББК 84(4Беи=Рус)6-44

ISBN 978-985-581-686-8

© Руж А., 2024
© Четыре четверти, 2024

Содержание

Пролог 6
Глава первая 11
Глава вторая 22
Глава третья 33
Конец ознакомительного фрагмента. 35

Александр Руж
Тик-так

© Руж А., 2024
© Оформление. ОДО «Издательство “Четыре четверти”», 2024

Пролог

– Алекс, будь добр, выбрось револьвер!

– С ума сошла? Может, еще штаны снять?

– Было бы неплохо… Они отсырели, и в них не меньше пуда.

– Тогда и ты разоблачайся. Кстати, избавься от ридикюля. Вот уж тяжесть, так тяжесть!

– От ридикюля? Ни за что! Он еще моей дочери достанется… Если она у меня когда-нибудь будет.

– Хотя бы выпотроши его… Видишь, мы опять снижаемся!

Этот волнительный диалог происходил над Карибским морем на высоте… Никто не знает, какая была высота. Все вокруг вертелось в бешеной пляске ветра и воды, свистело, стонало и закручивалось в немыслимые спирали. Воздушный аппарат, имевший некогда сигарообразную форму, собрался складками наподобие гармоники, сетка обвисла на нем, как рыбацкий невод на заборе, а сплетенная из ивовых прутьев гондола болталась, словно раскачанный озорной рукой маятник.

– Вероника!

– Слушаю, Лексей Петрович!

– Чего ты вцепилась в это дурацкое лукошко? За борт его, за борт!

– Так в нем же все наши припасы! Фляга с водой да утка печеная, что давеча не доели…

– К дьяволу утку! Коли утонем, еда нам уже не понадобится… Бросай, кому сказал!

Корзина со съестным полетела в кипящую морскую пучину.

Алексей Петрович Максимов, русский инженер, отставной военный, никого и ничего на свете не боявшийся, посмотрел вниз, и в его мужественное сердце заполз противный холодок. В прорывах марева, сотканного из тумана и лохмотьев пены, виднелись вздымавшиеся водяные гребни. Они как будто притягивали аэростат и казались клыками исполинского животного, наладившегося растерзать злосчастных воздухоплавателей.

– Алекс, у нас больше ничего не осталось! Что делать?

Это прокричала, перекрывая рев стихии, Анита, жена Алексея Петровича, испанка, принявшая российское подданство. Счастье семейной четы, длившееся более десяти лет, было разрушено прошлой зимой. Максимовы, путешествуя по Европе, имели неосторожность рассориться с видным дипломатом, и он возвел на них такой чудовищный поклеп, что дорога домой была им заказана. Измена Родине, неуважение к правящим особам и еще Бог весть какая галиматья, которой в Петербурге поверили и приняли надлежащие меры. Имение Алекса в Псковской губернии подлежало конфискации, а саму пару вкупе с сопровождавшей служанкой Вероникой объявили в розыск.

Пришлось, как выразился Максимов, дать драпака. Отплыли поначалу на Мадейру, но задержались на ней недолго. Остров, располагавшийся в опасной близости от Европы, вряд ли можно было считать надежным убежищем. К тому же он являлся вторым по степени популярности морским курортом, и его часто посещали бездельники со всего Старого Света, в том числе из России. Кто-нибудь из них мог узнать Алекса или Аниту и донести по инстанциям. Надобно еще уточнить, что Максимовы, хоть и не были особенно стеснены в средствах (спасибо доброму испанскому знакомому, который снабдил их саквояжем, набитым золотыми монетами), все же отдавали себе отчет в том, что рано или поздно деньги закончатся. Летом 1851 года пассажирский пароход «Колумбия», обладатель, между прочим, «Голубой ленты Атлантики» за рекорды скорости, доставил их на далекую Кубу.

Почему туда? С одной стороны, этот остров отстоял на тысячи верст от Евразии, и Максимовы чувствовали себя в относительной безопасности. Какие бы тяжкие прегрешения за ними ни числились, сложно было представить, что царь Николай снарядит за беглецами трансатлан-

тический десант. С другой, Куба по сию пору значилась в качестве испанской колонии. Это означало, что она не отрывалась от европейской цивилизации: на остров регулярно доставляли из метрополии качественные товары, книги, прессу. Что до языка, то и Алекс, и Анита владели испанским свободно, поэтому не испытывали дискомфорта в общении.

Им повезло. В Гаване в первый же день после прибытия Максимов познакомился с прогрессивным фермером, который только что получил выписанный из Лондона новейший паровой плуг системы Фаулера. Фермер мало смыслил в технике, и ему никак не удавалось раскочегарить упрямую машину. Он бы наверняка угробил ее, если б Алекс не подсказал правильный порядок действий. Агрегат радостно запыхтел и пошел обрабатывать поле, а счастливый фермер пригласил новоприбывших чужестранцев отобедать у него на ранчо.

Там, за бутылкой вина, они разговорились. Максимов, видя влечение хозяина ко всему современному, рассказал ему о механической системе орошения полей. Фермер загорелся идеей заиметь такое чудо и упросил гостей пожить у него в доме.

Спустя месяц подвезли заказанные по чертежам детали, Алекс смонтировал их и был вознагражден столь щедро, что получил возможность снять отдельный домик с двумя комнатками, кухней и закутком для прислуги. Жизнь вроде бы стала налаживаться, Куба очаровывала райскими пейзажами, и будущее уже не виделось беспросветным.

Меж тем аппетиты фермера-прогрессиста росли. На продаже сахарного тростника он нажил завидное состояние и мог позволить себе любые капризы. В каком-то из журналов ему попалась статья о французском механике Жиффаре, строившем управляемый аэростат. В те времена воздушные шары были игрушками ветров, но другой француз – Менье – еще в конце предыдущего столетия разработал схему аппарата с двигателем и рулем, что позволило бы аэронавтам лететь не куда придется, а в нужном направлении. Жиффар подхватил идею и воплотил ее на практике. Теперь то же самое по настоятельной просьбе неугомонного дона Алехандро (так звали фермера) предстояло сделать и Максимову.

– Зачем вам аэростат? – спрашивал он у заказчика.

– А как же! – отвечал тот. – Вы видели, сколько у меня угодий? Чтобы объехать их на лошадях, требуется трое суток. А если дождь льет и дороги развезло, то и вовсе увязнешь… Нет! На аэростате я буду каждый день совершать облеты моих владений и держать все под контролем. Тем более с высоты лучше видно, в каком состоянии плантации и чем заняты работники.

Что тут возразишь? Алекс взялся за проект, который, говоря откровенно, занимал его не меньше, чем дона Алехандро. Он составил список всего, что было необходимо для постройки воздушного судна. Из Соединенных Штатов доставили прорезиненную оболочку длиной около тридцати саженей, из Германии привезли паровой двигатель весом в десять пудов. Мелкие детали изготовили здесь, на Кубе.

Никогда еще Максимов не занимался столь сложным конструированием. Оно заняло полгода и было окончено в последних числах апреля. Длинная гондола с выведенной вниз дымовой трубой стояла на козлах, а рядом на земле лежала оболочка, которую предстояло наполнить водородом. Заключительные приготовления происходили на пустыре, в полуверсте от ранчо – чтобы случайная искра из топки двигателя не подожгла дом или дворовые постройки.

Работники-креолы притащили бочки с серной кислотой и железные опилки. При взаимодействии нехитрых ингредиентов добывался водород, им через специальный герметический рукав наполнялась оболочка. На это должно было уйти несколько часов. Максимов рассчитывал, что к утру аэростат будет пригоден для пробного полета.

Но случилось непредвиденное. Жители близлежащих деревушек, не блиставшие образованностью, давно поглядывали на заезжего инженера с явным недружелюбием. По их мнению, он занимался откровенной бесовщиной. А когда над пустырем стала сама собой вырастать матерчатая гора, терпение метисов и мулатов лопнуло. Они вооружились дубьем и пошли

громить домик святотатца, а заодно и усадьбу дона Алехандро. Фермеру повезло: его жилище было в достаточной степени укреплено, под рукой имелись верные слуги и целый арсенал. Он заперся у себя в поместье как в крепости и занял круговую оборону.

Максимову и его домочадцам пришлось куда хуже. Никем и ничем не защищенные, они, несомненно, пали бы жертвами невежественных крестьян, если б к тому времени шар уже не наполнился водородом. Иных вариантов бегства попросту не существовало: сухопутный транспорт, которым они располагали, состоял из единственной кобылы, а выйти в открытое море на лодке значило обречь себя на гибель. К рассвету разразился шторм, и гигантские валы обрушивались на берег.

Алекс понимал, что и полет на аэростате в ненастную погоду чреват непредсказуемыми последствиями, однако это было лучшее из всего, что он мог предложить. Анита согласилась без колебаний. Преследуемые по пятам улюлюкавшей оравой, они добежали до гондолы, ввалились в нее, Максимов перерубил якорный канат, и аэростат взмыл в небо.

План был таков: пролететь два или три десятка верст, чтобы избавиться от преследования, и под покровом темноты приземлиться в каком-нибудь безлюдном месте. Бросить аэростат, от которого здесь сплошные неприятности, и пешком добраться до селения. Анита прихватила кошелек с тысячью песо. Сумма скромная, но она позволяла устроиться на постоялом дворе и взять паузу, чтобы обдумать дальнейшие действия.

Максимов развел пары и попытался направить громоздкий баллон вдоль побережья. Увы, природа внесла в первоначальные намерения беглецов свои коррективы. Двигатель мощностью в три лошадиные силы был не в состоянии противостоять разбушевавшемуся ветру. Аэростат развернуло и понесло над морем куда-то на восток, а после на юг. Там, над вспененными водами, буйствовал ураган. Он яростно трепал изготовленную из шелка и пропитанную каучуковым раствором оболочку, и она, в конце концов, прохудилась. Аэростат стал опускаться.

С момента бегства прошли уже ночь, утро и почти весь день. Аппарат с беспомощными пассажирами унесло за сотни, а то и за тысячи верст от стартовой точки. Навигационное оборудование отсутствовало, поэтому определить вектор полета и тем более текущие координаты не представлялось возможным. Поблизости – ни малейших признаков земли, а в утлой гондоле, плюхнись она в воду, не особенно-то поплаваешь. Максимов выбросил за борт весь балласт, а потом и немногочисленные вещи, взятые из дома. Эти меры слегка замедлили падение. Вечерняя заря гасла, когда скукожившийся аэростат вновь снизился над морем так, что волны били в днище гондолы.

– Не спасемся… – проронила Анита, вцепившись в веревочную снасть.

Если уж она, с ее всегдашним оптимизмом, потеряла надежду, значит, положение и впрямь было аховым. Вероника, забившись в угол, истово молилась. Максимов, стараясь не терять присутствия духа, примеривался, как бы выкорчевать из гондолы котел, цилиндры и прочие части ставшего ненужным двигателя. Это ж какая вага сразу уйдет! Он пошатал давно погашенную и успевшую остыть печку. Держится крепко. Еще бы! – сам старался, вмонтировал на совесть. Но ничего, выломаем… А может, и ломать не нужно?

Он задрал голову. Брюхо аэростата провисло, сетка вот-вот сползет с него. Не залезть ли по веревкам наверх, угнездиться меж шелковых сборок, которые, благодаря каучуковой пропитке, почти не скользят, а подвеску обрубить? Пускай двигатель вместе с гондолой летит в бездну. Это, по прикидкам Алекса, могло подарить горе-путешественникам еще полчаса или даже час. Но что потом?

Он обвел взглядом горизонт, едва видневшийся в прорехах туч, и внезапно воскликнул:

– Смотрите! Корабль!

Да! Это было непостижимо, чудесно, сверхъестественно, но, вне всяких сомнений, вдалеке, в сгустившейся тьме, мерцал зеленый огонек. Он освещал выпуклый бок корабля, подпрыгивавшего на волнах. Огонек трепетал и разбрасывал мириады светлячков. Максимов

заключил, что это фальшфейер – трубка, наполненная горючей смесью. Они всегда есть на кораблях, в особенности тех, что совершают дальние рейсы. В условиях скверной видимости или сильной качки, когда бортовые фонари гаснут, моряки время от времени зажигают фальшфейеры, чтобы обозначить свое присутствие встречным кораблям и избежать столкновений.

Вместе с этим волшебным огнем вспыхнула надежда.

– Мы спасемся! – вскричал Алекс.

Он лихорадочно соображал. Зеленый свет всегда зажигают на правом борту – следовательно, корабль движется тем же курсом, что и аэростат. Но поскольку он сидит в воде, скорость у него ниже, и скоро шар обгонит его, улетит вперед. Надо во что бы то ни стало повернуть влево, чтобы маршруты пересеклись.

Легко сказать: повернуть! Вихри швыряли сморщенный эллипсоид как тряпку.

– Винт! – прокричала Анита, сложив ладони рупором. – Запускай винт!

Подсказка была лишней – Максимов уже распахнул дверцу топки. В ней лежала кучка непрогоревшего угля. Этого мало, чтобы привести в движение пропеллер, а другого топлива нет – выброшено.

Алекс, помедлив, извлек из кармана фосфорные спички, протянул Аните.

– Зажигай!

– А ты?

– А я пойду за дровами!

Анита по плечи всунулась в печурку, откуда тянуло гарью. Ветер задувал и сюда, спички гасли, едва загоревшись. Вероника подошла сзади и растопырила свои широкие юбки.

– Повыше, повыше! – просила Анита, а проклятые спички все не разгорались.

Чего не сделаешь ради спасения! Вероника, покраснев от срамоты, задрала юбки выше головы, обнажив исподнее. Ткань парусила, служанку чуть не сдуло в море, зато Аните удалось-таки воспользоваться мимолетной неподвижностью воздуха и растопить печь.

– Ура! – перепачканная в саже, она выпросталась из топки и захлопала в ладоши. – Алекс, у меня получилось!

Он не ответил, так как был занят не менее важным делом – курочил гондолу. По счастью, уцелел нож – с его помощью Максимов резал прутья и собирал их в пучок. Сгорев, они должны выполнить две задачи: привести в действие паровую машину и облегчить аэростат.

– Держи! – он бросил нарубленный хворост Веронике. – Не спите, время дорого!

Вероника одернула свой наряд и принялась усердно запихивать прутья в топку. Анита помогала ей. Тяга была более чем достаточной, и пламя разгорелось вмиг. Оно пожирало жалкую пищу, которую в него подбрасывали, требовало еще и еще. Алекс в считаные минуты раскромсал половину гондолы и дернул рычаг. Мотор заклохтал, его шум смешивался с ревом урагана, и получалась дичайшая какофония, в нее уже невозможно было вплести ни слова.

Слова и не требовались, роль каждого была ясна. Пока женщины занимались топкой, Максимов повернул руль налево, вследствие чего поворотился и треугольный холщовый клин, приделанный к аэростату наподобие хвоста. Обвисшая туша клюнула носом, рыскнула туда, сюда, но все же кое-как встала поперек ветра. Ее заколотило еще сильнее. Двигатель работал на полную мощность, Алекс поднял давление в котле до предела. Из трубы валили черные густые клубы.

Эх, если бы их приметили с корабля! Впрочем, что проку? Он тоже несется по воле волн и не может затормозить.

От гондолы почти ничего не осталось, все трое жались к раскаленной печи, обжигались, но деваться было некуда. Облегченный аэростат чуть-чуть приподнялся, однако продвигался с катастрофической медлительностью. Он и в штиль-то делал не более семи верст в час, а при боковых порывах и подавно полз как черепаха.

– Ну же… ну! – цедил Максимов, сжав кулаки.

Он швырнул в огонь последние обломки гондолы. Стрелка на манометре перескочила на красное поле. Даже Аните с Вероникой было понятно, что в любую секунду может взорваться котел.

Фортуна смилостивилась над горемыками. Ветер неожиданно дунул сзади и толкнул аэростат вперед. Палуба корабля оказалась прямо под воздухоплавателями. Однако до нее было добрых полста саженей, и как преодолеть их, не разбившись, никто не знал.

Глава первая
30 апреля 1852 года
00:00–03:00

Единственный шанс. – Шхуна без опознавательных знаков. – Переправа по канату. – Вероника прощается с жизнью. – Содом и Гоморра. – Капитан Хосе Руэда и его экипаж. – Затерянные в море. – Из Кингстона в Маракайбо. – Акробатический трюк боцмана Накамуры. – Рука с железными когтями. – Потасовка в кубрике. – К чему приводит жевание бетеля. – Волосатое страшилище. – Пляски с бубном. – В каюте. – Поиски удобств. – Как есть мертвяк!

В сполохах фальшфейеров – слева красный, справа зеленый – Максимов разглядел двух человек, стоявших по бортам шхуны. Зюйдвестки мешали увидеть их лица, но одно было очевидно: аэростат замечен. У штурвала стоял третий человек, удерживал крепкими руками деревянное колесо, норовившее прокрутиться то в одну сторону, то в другую. Он поднял голову и смотрел на невиданное чудище, ни с того ни с сего нависшее над кораблем.

– Э-эй! – прокричал Алекс. – Мы здесь! Помогите!

Моряки, что стояли по бортам, подбежали к рулевому. Втроем они принялись о чем-то совещаться.

– Хорошо, если они не суеверны, – проговорила Анита. – А то, чего доброго, примут нас за нечистую силу, устроят пальбу…

Шхуна (судя по оснастке, это была именно она) не походила на военную – по крайней мере, пушек на ней не наблюдалось. Скорее всего, она перевозила грузы. Но это не исключало наличия у команды ружей и пистолетов.

– Чтоб им пусто было! – обругался Максимов. – Пока они будут валандаться, нас отнесет от корабля!

Справедливости ради стоит заметить, что при всем желании экипаж судна едва ли мог помочь терпящим бедствие аэронавтам. Для этого надо как минимум обзавестись крыльями.

Алекс остервенело крутил руль, силясь подогнать аппарат к грот-мачте. Она маячила слева внизу, но как до нее дотянуться?

– Веревка! – Анита перебросила ему обрывок якорного каната. – Сможешь докинуть?

Максимов передал ей руль и метнул намокший канат с таким расчетом, чтобы он обвился вокруг мачты, под самым клотиком. С третьей попытки это удалось, но произошла авария – ветром снесло выхлопную трубу, дым моментально окутал аэростат, и, что хуже всего, резко возросла подъемная сила. То, чего они добивались четверть часа назад, сейчас уже было совсем некстати. Баллон рванулся вверх, канат натянулся как струна, Алекс с трудом его удерживал.

– Клапан! Выпусти газ!

Это относилось к Веронике. Дура-баба, и без того сомлевшая от переживаемых потрясений, тупо пялилась на переплетения снастей у себя перед носом. Видя, что от нее ничего не добиться, Анита оставила руль, выпутала из строп тонкую бечевку, дернула за нее. Наверху приоткрылся клапан, выпускавший водород из оболочки.

Аэростат пошел книзу. Максимов притянул его к мачте. Обратил внимание, что на ней нет флага – вероятно, сорвало ураганом. Паруса были убраны, в «вороньем гнезде» – никого. Да и смысл в такую непогодь посылать впередсмотрящего на верхотуру – снесет…

Трое на палубе продолжали совещаться, поглядывая на бесформенное чудо-юдо. Враждебных намерений не проявляли, но и помогать не торопились.

– Кто они, Алекс? – не промолвила, а скорее, прокашляла Анита, поскольку снопы соленых брызг взлетали на десятки саженей и набивались в рот. – Вдруг это пираты?

Золотой век пиратства в Карибском море завершился более ста лет тому после усиления военно-морских флотов, наведших в бассейне между двумя Америками относительный порядок. Недобитые разбойники подались к берегам Западной Африки, тем не менее близ Кубы, Гаити и других островов иногда пропадали торговые суда, поэтому опасения Аниты были небеспочвенны.

Однако Алекс рассудил, во-первых, что уважающий себя пират не пустился бы на промысел без орудий, и во-вторых, у воздухоплавателей не было выбора. Либо погибнуть, либо высадиться на шхуну в надежде, что ее шкипер не отправит их на корм акулам.

Манометр зашкаливал. Профессиональный опыт подсказывал Максимову, что взрыв неминуем. Раздумывать некогда.

– Перелезай! – он подтолкнул Аниту к мачте, до которой оставалось каких-нибудь пять-шесть футов.

Ветер не стихал. Если б хоть на минуту установилась тишь, для молодой и физически развитой Аниты не составило бы труда преодолеть ничтожное расстояние, отделявшее ее от клотика. Но сейчас она не была уверена в себе.

– Не медли! – подгонял ее Максимов. – Давай! Ты справишься!

Она зажмурилась и, ухватившись за натянутый канат, поползла по нему. Хвала создателю, что, готовясь к побегу, она надела не платье со множеством нижних юбок, а компактный облегающий костюм, входивший тогда в моду среди новаторски настроенных американских дам. Он состоял из ботинок, брюк и длинного пиджака, который, будучи застегнут наглухо, позволял его обладательнице передвигаться с достаточной маневренностью. Появись она в таком облачении в европейских салонах, ее бы приняли за особу безнравственную либо повредившуюся умом, но в Новом Свете господствовали более свободные нравы, этим она и воспользовалась.

Все оказалось не так страшно. Анита сама не заметила, как ткнулась в осклизлую деревянную опору – топ грот-мачты. Съехала ниже и встала на рею, ухватившись за стеньгу.

– …одец! …нимай …нику! – долетели до нее обрывки слов Алекса.

«Молодец! Принимай Веронику!» – перевела она и призывно махнула перепуганной служанке: лезь, все нормально.

Вероника мешкала. Стояла на карачках, задом к пышущей печи, и никак не решалась передвинуться на зыбкий канатный мостик. Пример госпожи ее не вдохновил, она смотрела вниз, на палубу, окруженную пенистыми протуберанцами волн, и цепенела от мысли, что переправа может обернуться смертельным падением.

– Да лезь же ты! – рявкнул на нее Максимов и в сердцах присовокупил пару малопристойных выражений.

Вероника, белая как известь, зашлепала губами, проговаривая молитву, и вкогтилась в канат. Проползла по нему со скоростью улитки фута три и замерла над пропастью, будучи не в силах шевельнуться.

– Давай же, давай! – призывала ее Анита с мачты, но это было все равно, что увещевать безжизненного истукана.

Котел затрещал, из него полетели огненные клочья. Максимов, не имея другой возможности спастись, совершил воистину кенгуриный прыжок и с маху ударился о рангоутное дерево. В глазах потемнело, сознание стало тускнеть, но он заставил себя обхватить мачту обеими руками, вжался в нее животом и так застыл, пережидая накатившую дурноту.

А позади него грянул взрыв настолько оглушительный, что показалось, будто ураган на мгновение присмирел, застигнутый врасплох раскатом запредельной громкости. Алекс не мог видеть, что творится за спиной, зато все прекрасно видела Анита. На ее глазах котел лопнул и разлетелся на тысячи осколков, каждый из которых был окружен полыхавшим нимбом. Пламя

охватило даже промокшие стропы, дотянулось до аэростата, и он вспыхнул, подобно громадному факелу.

– Вероника!

Крик застрял у Аниты в горле. Словно в кошмарном сне, перед ней предстала ужасающая картина: несчастная Вероника сорвалась с каната, который уже не крепился к бывшей гондоле по причине отсутствия таковой, и, кувыркаясь, полетела на палубу. Она делала это безмолвно – видимо, потеряла сознание.

Пылающее облако надвинулось на мачту. Шляпку с Аниты сдуло уже давно, и волосы на голове стали обугливаться. Держась, что было сил за ванты, она засеменила по рее прочь от летающего костра. Ситуация была критической: огонь мог легко перекинуться на скатанные паруса, а если б аэростат упал на палубные надстройки, то шхуну всенепременно охватил бы пожар.

Однако провидение, изрядно потрепавшее наших героев, сменило гнев на милость. Каучуковая оболочка распалась на сотни лоскутьев, и они завертелись на ветру как осенние листья. Их разметало по всем сторонам света, и они осыпались в море. Это было феерично, такого Анита не лицезрела ни на одном из праздничных салютов, а их на ее памяти было немало – как в Петербурге, так и в иностранных городах. Какие бенгальские огни, хлопушки и шутихи сравнятся с той апокалиптической драмой, что развертывалась сейчас над Карибским морем! Как будто библейский дождь из горящей серы сыпался на разъяренную воду, две противоположные стихии смешивались, борясь друг с другом… Это вызывало оторопь, замирание сердца, но вместе с тем притягивало и завораживало.

Анита пересилила себя, отвела взгляд, вспомнила о бедняге горничной, которая либо затянута в глубины, либо лежит на палубе с переломанными костями. Да и самой бы не мешало подумать о безопасности. Балансировать на конце реи под хлесткими оплеухами ветра так себе удовольствие. Если дунет посильнее, снесет туда же, куда и Веронику.

– Нелли! – Это Алекс, очухавшийся после головоломного прыжка, подошел к ней. – Ты как?

Она, не выпуская шершавой корабельной веревки, прильнула к нему.

– Алекс! Вероника…

Анита плакала крайне редко и в исключительных обстоятельствах. Нынче как раз такой случай – разве нет?

– Нелли, она жива! Я ее вижу… вон там!

Анита не поверила, устремила взор на палубу и не удержалась от радостного восклицания.

Двое давешних матросов и рулевой держали растянутое полотнище, а на нем, как на батуте, колыхалась Вероника. Она пришла в себя, ошалело крутила головой. Спасители опустили полотнище на палубу, сгрудились возле потерпевшей. С ними был и четвертый, явившийся невесть откуда. Он подсвечивал им круглым фонарем в стеклянном колпаке.

– Жива, жива! – Анита, переполняемая эмоциями, притопнула каблуком, будто собиралась станцевать чечетку; нога съехала с реи, и Максимов еле успел подхватить неосмотрительную супругу.

– Спокойно! – он приподнял ее за ворот, как котенка за шкирку, и поставил на веревочные ступени. – Ты сможешь сойти на палубу?

– Постараюсь…

Перебирая руками, она начала головокружительный спуск. Не сказать, чтоб мачта была высотой с пирамиду Хеопса, но удержись-ка на ней, когда корабль то кренится, то подлетает к звездам, то проваливается в водяную яму… Аните припомнилось, как много лет назад Алекс впервые прокатил ее на санях по ухабистым русским дорогам, и на крутом повороте ее выбро-

сило на обочину. Но там было мягко, она ухнула в сугроб и не ушиблась, а тут – совсем другое дело. Сумеют ли ребята внизу в случае чего поймать ее так же удачно, как Веронику?

Шажок, шажок, шажок… После всего, что довелось пережить, глупо умирать из-за банальной неосторожности, поэтому Анита спускалась медленно, проверяя ногой каждую ступеньку, прежде чем перенести на нее вес тела. Максимов следовал за ней, готовый в любую секунду подстраховать.

Все обошлось благополучно. Когда до палубы оставалось не более двух аршин, Анита спрыгнула с вант. Подошвы впечатались в доски, колени враз ослабели, и она невольно присела. Большая сильная пятерня придержала ее за предплечье.

– Не волнуйтесь, сеньора, – по-испански пророкотал незнакомый баритон. – Вам ничто не угрожает.

Это произнес тот самый рулевой, что стоял у штурвала. Теперь диспозиция изменилась: штурвал удерживал могучими руками один из матросов – великан, на котором штормовой костюм в двух или трех местах разошелся по швам, так как не вмещал гору мускулов. А рулевой при ближайшем рассмотрении больше походил на персону, привыкшую командовать. Ему было лет шестьдесят, но язык бы не повернулся назвать его старым. Под надвинутым на брови капюшоном виднелось волевое лицо с серыми глазами, длинным носом, черными с проседью усами, окладистой бородой и обветренными губами, которые сжимали трубку. Анита удивилась: как он умудряется курить, когда в воздухе влаги едва ли не столько же, сколько в море? Но трубка не была зажжена, дымок над ней не вился. Очевидно, усач-бородач держал ее во рту по привычке или в качестве успокаивающего средства.

С Аниты текло, ее убранство было заляпано, кое-где прорвано и прожжено угольями из топки, что делало его в глазах консервативного обывателя совсем уж непотребным. Однако человек с трубкой смотрел на нее без какого-либо осуждения, выражая лишь любопытство и некоторую настороженность – чувства вполне естественные, когда посреди безбрежного водного пространства, в разгар противостояния судна со стихией, с небес вдруг сваливаются неизвестные люди, прилетевшие на огнедышащем монстре.

– Вы – капитан? – высказала догадку Анита и попыталась сделать что-то наподобие реверанса, смотревшегося, без сомнения, комично. – Как вас зовут?

– Хосе Руэда к вашим услугам, – слегка поклонился усач без тени усмешки. И уточнил: – Вы прибыли сюда на дирижабле?

Термин «дирижабль» в отношении управляемых воздушных шаров еще не стал расхожим, его употребляли в узких кругах. Это дало Аните возможность понять, что ее визави, несмотря на грубую внешность морского волка, начитан и эрудирован.

Максимов представил себя и жену, поблагодарил сеньора Руэду и его подчиненных за спасение Вероники, а также вкратце объяснил, каким образом аэростат угодил в центр урагана.

Руэда вынул трубку изо рта и вытряхнул из нее воду.

– Сочувствую… Да, жителям Вест-Индии еще далеко до идеалов просвещения. Промедли вы хоть немного, и вас запросто бы линчевали как колдунов и чернокнижников.

– Куда идет ваша шхуна, капитан? – задал Алекс вопрос, интересовавший его сейчас больше, чем что-либо иное.

– Мы вышли из Кингстона в Маракайбо. На борту десять человек, включая меня. Везем сахар и… – сеньор Руэда замялся, – и еще кое-какие товары в Венесуэлу.

– Где же мы находимся?

– В последний раз, когда мне удалось определить координаты, мы находились милях в трехстах южнее Ямайки. Нас несет с бешеной скоростью. Не берусь сказать, каково наше нынешнее местоположение.

– А есть ли поблизости какие-нибудь земли?

– Нет, сеньор. Мы пересекаем самый пустынный участок Карибского моря. Если ураган не погонит нас в другую сторону, то вплоть до Южной Америки мы не встретим ни единого островка, – в отсверках последних падавших с неба лоскутьев горящего аэростата капитан оглядел горизонт. – По всем приметам шторм скоро уляжется, и ничто не помешает нам продолжить путь по заданному маршруту.

Южная Америка? Анита имела о ней слабое представление. А не все ли равно? У них с Алексом нет ни гроша, на каком берегу ни высаживайся, все придется начинать с чистого листа. Но об этом они подумают после. В настоящую минуту следует возблагодарить Всевышнего за то, что он вырвал их из гибельной круговерти.

– Тогда, сеньор Руэда, – промолвила она невинно, – не приютите ли вы нас на вашем замечательном судне? Деваться нам, как видите, некуда.

Сеньор Руэда, нахмурившись, посасывал трубку. С капюшона на его усы бежали ручьи.

– Вообще-то, я не беру пассажиров, это не в моих правилах. Но коли вдуматься… Не для того же я позволил вам пришвартоваться, чтобы бросить вас на съедение акулам.

Анита отметила про себя, что он тщится предстать перед ними в образе лишенного сантиментов циника, но у него это выходит не очень удачно. Ладно, главное, чтобы приютил, а что он за птица, разберемся позже.

Держась за филейную часть, подхромала Вероника. Ее все еще колотило, а глазищи были выпучены и круглы, как медные пятаки.

– Ты не ранена? – осведомилась Анита.

Вероника помотала головой; дар речи к ней еще не вернулся.

Сеньор Руэда грыз трубку и о чем-то раздумывал. Наконец изрек:

– Так и быть. Я позволю вам дойти на «Избавителе» до Маракайбо.

– На чем, простите?

– Это название моей шхуны… Только не обессудьте: условия на судне спартанские. Пища самая простая: солонина и пудинги из манной крупы. Свежее мясо бывает два раза в неделю.

– Свежее мясо?

– Да, у нас есть живые куры и петух. Это так, в качестве деликатеса… Пуховых перин тоже не обещаю. И… – он опять замялся, – команда у меня сборная, люди разных национальностей, у каждого свой характер и свои обычаи. Если вам что-то будет не по душе, то придется мириться.

Аните послышалось, или в этом предупреждении прозвучали нотки угрозы? Так или иначе, незадачливые летуны находились не в том положении, чтобы выражать недовольство и диктовать собственные условия.

Максимов раскрыл было рот, чтобы заверить капитана в своей лояльности к установленным на корабле порядкам, но внезапно огромная волна обрушилась на палубу, подхватила Аниту и понесла к борту. Все произошло так неожиданно, что никто не успел среагировать. Никто, кроме второго матроса, который дотоле скромно стоял в сторонке, не вмешиваясь в переговоры. Едва случилось несчастье, он моментально преобразился: скинул с головы зюйдвестку, открыв стриженные ежиком волосы и плоский лик с глазами-щелочками, следующим движением оттолкнулся от дощатого настила и, совершив невероятный кульбит, очутился между отчаянно барахтавшейся Анитой и фальшбортом. Это заняло у него ничтожные полторы-две секунды, и волна не утащила Аниту в море. Азиат уперся лопатками в планшир и поймал бедняжку прежде, чем ее смыло за борт.

Волна схлынула. Максимов, у которого внутри все захолонуло, перевел дух, отмер и подбежал к спасенной супруге. Азиат уже поставил ее на ноги и согнулся в почтительном поклоне, сложив руки под подбородком.

– Спасибо… сеньор… – пролепетала Анита, не зная, как правильно к нему обратиться.

Он совершенно точно не принадлежал к испанской нации. Черты лица и повадки указывали на восточное происхождение. Японец или, быть может, китаец.

Сомнения развеял приблизившийся капитан.

– Позвольте представить, – он указал трубкой на узкоглазого прыгуна, – Накамура, мой боцман. Он из Японии, но по-испански болтает сносно… Как и все на этом корабле. Весьма способный малый.

– Мы в этом убедились, – Максимов, в свою очередь, поклонился японцу. – Благодарю вас, сударь. Надеюсь, когда-нибудь представится случай отплатить вам тем же.

– Это лишнее, – проскрипел боцман Накамура с легким акцентом и вновь отошел в сторонку. Надо полагать, подобно своим сородичам, он был не сторонник пустопорожних разглагольствований и повышенного внимания к своей особе.

А сеньор Руэда продолжал:

– Раз уж я начал представлять экипаж, то вот… – он подвел гостей к штурвалу, за которым громоздился здоровяк-гренадер. – Этого зовут Мак-Лесли. Он нем как рыба, зато у него орлиный глаз. Лучшего рулевого не сыскать на тысячи миль от Флориды до Каракаса. А еще у него нюх как у охотничьего сеттера. Немудрено, ведь десять лет отработал на косметической фабрике, и в парфюмерии разбирается почище парижской кокетки. Но фирма разорилась, он обнищал и был вынужден переменить профессию. Теперь ходит в море.

Гренадер, услыхав капитана, полуобернулся и в жутковатой улыбке обнажил желтые зубы. Аните от его любезности стало не по себе.

– А это, – сеньор Руэда подвел их к человеку с фонарем, – мой помощник Рамос, коренной мексиканец, потомок ацтеков. Он покажет, где вы сможете переночевать.

– Доброй ночи! – Максимов решил сразу же установить дружеский контакт с ключевыми фигурами экипажа и протянул мексиканцу руку для приветствия.

Тот пожал ее, и Алекса обожгло холодом. Он задержал ладонь Рамоса в своей и поднес ее поближе к глазам. В мерцании фонаря увидел железную лапу с пятью когтистыми отростками и при всем своем самообладании содрогнулся.

Руэда перекатил трубку из левого уголка рта в правый и усмехнулся. Его можно было понять без слов: я же вас предупреждал. То ли еще будет!

Мексиканец левой рукой, которая, хвала всем святым, выглядела, как обычная человеческая конечность, пусть и облаченная в лайковую перчатку, поднял фонарь повыше и сделал приглашающий жест.

– Рамос, – обратился к нему капитан, – определите постояльцев в вашу каюту. Думаю, не будет большой беды, если вы переселитесь в кубрик.

– Слушаю, капитан, – покладисто отозвался помощник. – Будут ли еще приказания?

– Нет. Я ухожу к себе. Ураган стихает, Лесли прекрасно справится со штурвалом, а Накамура последит за морем. Через два часа пришлите им кого-нибудь на смену.

– Слушаюсь, капитан.

В тоне Рамоса не слышалось непокорности, он был из тех людей, кто привык повиноваться беспрекословно.

Он, не торопясь, шествовал к корме, Анита, Алекс и Вероника, промокшие и уставшие, плелись за ним. Сильная качка мешала ходьбе, приходилось все время хвататься за различные элементы такелажа, попадавшиеся на пути. Анита опасалась, как бы не нахлынула еще одна волна, подобная той, что чуть не погубила ее. Однако шторм, как и предсказывал капитан Руэда, начинал стихать, ветер ослабел, и море постепенно успокаивалось.

Рамос был тощ, зато высок, и поднятый им фонарь светил, как путеводная звезда.

– Нам очень жаль, что мы доставляем вам неудобства… – заговорил Алекс.

Помощник капитана прервал его:

– Мы не из неженок, сеньор. Мне выпадало ночевать под мостами и в угольных ямах, я не жалуюсь…

В отличие от японца, Рамос не прочь был поговорить, но в матросском кубрике, мимо которого они проходили, что-то загремело, и послышалась неразборчивая ругань.

– Прошу прощения… Вы не подержите? – не дожидаясь ответа, он сунул Максимову в руки фонарь, подскочил к двери кубрика и распахнул ее настежь.

Из помещения, в мутном оконце которого мигал неверный свет ходившей ходуном свечи, кубарем выкатились два сцепившихся человека. Рыча, они мутузили друг друга и изрыгали проклятия: один – по-французски, другой – на неизвестном Аните языке. В плясавших отблесках фонаря трудно было разглядеть их, но тот, что был мощнее, имел темный цвет кожи, каким обладают представители африканского континента, а голову второго прикрывал тюрбан, почти тотчас слетевший и запрыгавший по доскам.

Африканец превосходил противника в силе, быстро подмял его под себя и колошматил от души. Они оба волчком завертелись у ног Рамоса. Тот нагнулся и железной лапой стукнул разбушевавшегося чернокожего по загривку. Удар вышел несильный, зато действенный. Дерущиеся расцепились, вернее, африканец отпустил жертву и вскочил на ноги.

– Опять что-то не поделили? – загремел Рамос, не дав ему вымолвить ни слова.

– Он обыграл меня в карты! – возмущенно пояснил чернокожий.

– И что?

– Он жульничал! Я его знаю!

– Неправда… – второй участник поединка поднялся с палубы; он держался на удивление бесстрастно, говорил ровно, как будто и не было никакой стычки. – Будда свидетель: я всегда играю честно.

Максимов поднес фонарь к его лицу и невольно отшатнулся. Обе щеки говорившего, губы и тонкая, в стрелку, бородка, были измазаны красным. Создавалось ощущение, что его с размаху приложили молотом или вдавили в булыжную мостовую. По всем разумениям, он должен был лишиться половины зубов и испытывать адскую боль.

– Ему нужна помощь! – вскричала Анита. – Он истечет кровью!

– Кровью? – Рамос пригляделся к избитому и засмеялся. – Нет… Это не кровь, это бетель. Знаете, есть такая пальма или куст, растет где-то в Азии, но Санкар умудряется доставать его в любой стране мира. Жить без него не может. Говорит, что бетель бодрит его, особенно когда надо не спать ночью.

– Санкар? Индус?

– Да. Капитан познакомился с ним в Калькутте.

Санкар был закутан в некогда белое, но теперь уже замызганное полотнище. В пылу борьбы из складок одежды выпали пять или шесть обломанных деревяшек с черными прожилками. Все они были величиной с ладонь или чуть меньше. Индус проворно подобрал их, спрятал под полу и поплотнее стянул свое рубище. После чего с подозрением воззрился на Аниту, Алекса и Веронику. Что до африканца, то он пялился на них, выпучив зенки, казавшиеся на фоне антрацитовой кожи особенно белыми.

Понять недоумение этих двоих было нетрудно. Откуда посреди ночи на судне, носимом неистовыми волнами, появились чужие люди?

Рамос не собирался давать сослуживцам пояснений. Вместо этого он ткнул индуса кулаком в ребра и сказал Аните:

– Вы за него не беспокойтесь, у него шкура дубленая. Он из йогов… или что-то в этом роде. Может и на гвоздях спать, и по головням ходить.

– И карты передергивать! – вставил обиженный африканец.

– Уймись, Нконо! – осадил его помощник капитана. И прибавил для гостей: – Это наш кок, он из Сенегала. Кашеварит так себе, зато, чуть что ему не нраву – лезет в драку. Сладу с ним нет.

– Будда свидетель… – завел Санкар снова, но Рамос оборвал его:

– Иди умойся. И больше никаких карт. Когда пробьют четыре склянки, сменишь Мака. И смотри у меня! – он потряс перед обагренной физиономией индуса десницей с хищно загнутыми крючьями.

Санкар потупился и мелко закивал. Громила Нконо перестал разоряться по поводу несправедливого проигрыша, вопросил с почтительностью:

– А мне что делать, сеньор?

– А ты спи. Твоя вахта следующая за ним. Понятно?

Как правило, на судах вахта длилась четыре часа, восемь получасовых склянок. Но в штормовую погоду капитан Руэда сократил время нахождения на дежурстве, понимая, что люди будут уставать быстрее.

Африканец упятился в кубрик, за ним последовал индус. Дверь закрылась, свеча в окошке погасла.

– А они там не передерутся снова? – высказал опасение Алекс.

– Пусть только попробуют! – Рамос забрал у него фонарь и двинулся дальше. На ходу пояснил: – Публика у нас разномастная: попадаются и аристократы, и те, за кем в прошлом водились кое-какие грешки. Ангелов вы среди нас не найдете, но и мерзавцев тоже.

«Час от часу все интереснее», – подумала Анита. Железная хваталка мексиканца притягивала ее, приковывала внимание как нечто зловещее, можно сказать, демоническое. Как было утерпеть и не полюбопытствовать?

– Вы о моей клешне? Старая история… Мне ее на войне в Техасе ядром оторвало. Был я артиллеристом, а стал никем. Долго к новой жизни приспосабливался. Без руки оно, знаете ли, неуютно. Спасибо, нашелся кузнец в Монтеррее, смастерил мне этот протез. Уцепить что или придержать… А уж в драке наипервейшее оружие, получше всяких ножей и кастетов.

– Вы говорили, что в вашей команде аристократы имеются, – напомнил Максимов. – Это кто же?

– Да вот Накамура. Сын феодала из Киото. Родители хотели из него воина сделать, боевым искусствам обучали. Но он смирный как овечка, головы рубить – это не по нему. Ушел в монастырь, пять лет разные науки постигал, в медитации упражнялся. Потом понял, что духовного совершенства ему не достичь, и пошел по свету странствовать.

– А еще кто?

– Еще? Есть у нас юнга, мы его Парисом зовем. Он грек, из обедневших дворян. Скучно ему, видите ли, стало в четырех стенах сидеть. Сбежал из дома, нанялся на первый встречный парусник, потом на второй…

Неизвестно, что еще поведал бы велеречивый помощник капитана о юнге с именем из древнегреческих мифов, если б в пятно света, отбрасываемое фонарем, не выступило из-за мачты волосатое страшилище. Росту оно было среднего – футов шесть, – но каков вид! Покрытое густой шерстью, оно раскачивалось на полусогнутых ногах и сжимало в руке бубен, издававший глухое звяканье. Страшилище не имело ни одежды, ни обуви, только бусы из клыков какого-то зверя мотылялись на его толстой шее. Но наиболее отталкивающее впечатление производила его морда – обезьянья, с приплюснутым носом и бликующими моргалами. Оно могильно завывало и приплясывало, игнорируя качку и водяное сеево, летевшее из-за борта.

Анита вжалась в мачту, сердце ушло в пятки. Вероника измученно охнула и упала в обморок, Алекс подхватил ее. Лишь мексиканец остался невозмутим. Он выставил перед собой когтистую железяку и недовольно проворчал:

– Джимба! Ты опять? Кэп будет злиться…

Пугало перестало выть и свободной рукой ухватило себя за макушку. Рывок – и ряха гориллы исчезла, а из-под нее высвободился смуглый, немного скуластый, но вполне терпимый человечий лик.

– Вот это маскарад! – восхитился Максимов. – В таком только нечистую силу на Святки изображать.

Он пошлепал Веронику по щекам, она ожила, утвердилась на ногах, но веки разлеплять не спешила.

– Трусиха! – укорил ее Алекс. – Ряженых не видела, что ли?

Анита отклеилась от мачты, ощутила стыд из-за того, что попалась на примитивную удочку. Оправданием служило одно: маскарад был и вправду мастерский. Ткань с наклеенным на нее клочковатым мехом крепилась на лицедее посредством хорошо замаскированных завязок, а шлем, сработанный в виде головы примата, был выше всяческих похвал. В полутьме, да когда не ждешь, можно поверить в то, что перед тобой настоящий выродок из геенны.

– Не обращайте внимания, – небрежно бросил Рамос. – Джимба из автралийских аборигенов, вечно кривляется. Протащил на шхуну кучу барахла, утверждает, что его обряды защитят нас и помогут без потерь попасть в нужный порт. По-моему, полная чепуха, но он верит, а капитан смотрит на его чудачества сквозь пальцы.

– Джимба знает, что делает! – прогундосил смуглый и звякнул бубном. – У Джимбы отец шаман и дед шаман. Джимба много умеет, много знает.

Говоря, он причавкивал, словно перекатывал во рту крупную ягоду. Обезьяний покров сполз с него, лег на палубу скомканной ветошью. Джимба оказался сравнительно молодым – лет тридцати – жилистым человеком, облаченным в светлое вретище, спускавшееся ниже колен. Открытые участки его тела покрывал затейливый орнамент: татуированные лианы переплетались со змеями, державшими в пастях цветочные бутоны. Хвосты змей завивались в петли и изгибались под всевозможными углами.

Джимба вперился в чужаков.

– Кто эти люди? Что они здесь делают?

Аните подумалось, что Рамос попросту пошлет его подальше, но, видно, дикарь с его туземными ритуалами сумел внушить к себе почтение. Помощник капитана снизошел до объяснений – коротких и емких. Джимба выслушал, скривил губы и брякнул в бубен.

– Тринадцать! – возгласил он, закатив зрачки. – Тринадцать… и женщины! Несчастье!

– О чем он гуторит? – осмелилась подать голос Вероника, открывшая глаза и разглядывавшая аборигена как скомороха на ярмарке.

– Кажется, он недоволен, что на судне отныне дюжина пассажиров, – предположил Максимов. – Десять человек команды плюс нас трое. Ну а к женскому полу отношение моряков известно…

– Предрассудки! – буркнула Анита. – И потом… мы не виноваты, что нас сюда занесло.

Рамос поднял брошенную австралийцем хламиду.

– Вот что, Джимба. Забирай манатки, извинись перед господами и проваливай в кубрик. Потешился – и хватит.

Манатки Джимба взял, но извиняться не стал. Шипя что-то про кару небесную и Великий Бумеранг, что падет на нечестивцев, он шмыгнул за мачту и был таков.

– Чего ради ему вздумалось рядиться чучелом? – дивилась Анита.

– Это не чучело, сеньора, – растолковал Рамос. – Это йоуи. Так у них в Австралии называют местных леших, которые являются в образе обезьян. Йоуи все боятся, вот Джимба и наряжается в него, чтобы отпугнуть от шхуны злых духов. – И закончил со вздохом: – Дикие народности – они как дети. Что с них взять!

Оставшийся отрезок пути до кормы преодолели без приключений. Рамос толкнул дверь и впустил гостей в крохотную каютку, встроенную в ют.

– Это и есть ваш гостиничный номер, сеньоры. Сожалею, но, как вам уже сказал капитан, ничего лучше у нас нет.

В клетушке без окон с низкого потолка свисала матерчатая койка сомнительной чистоты. Рядом с ней стоял табурет, который, судя по жирным пятнам, использовался еще и вместо обеденного стола. На вбитом в стену гвозде висела матросская куртка. Рамос снял ее и перекинул через плечо.

М-да. Анита оглядела убогие апартаменты, наверняка еще и кишевшие насекомыми, и постаралась придать лицу выражение искренней признательности.

– Ничего лучше не требуется, сеньор Рамос. Передайте от нас благодарность капитану.

– Передам. Не хотите ли перекусить? Остался кусок солонины от ужина…

Анита подавила рвотный позыв, представив, как выглядит предложенное помощником лакомство. Максимов был не так разборчив, но и его не прельстила перспектива жевать солонину.

– Спасибо, мы не голодны, – отказался он за всех троих. – Если можно, нам бы тюфяк или хотя бы дерюгу.

Рамос обеспечил их матрацем, в котором при нажатии хлюпала промокшая прелая солома, пожелал спокойной ночи и удалился.

– Уф-ф! – Анита, обессилев, рухнула на подвесную койку, и та закачалась под ней. – Я думала, этот безумный день никогда не кончится!

– Я тоже… – Алекс с помощью Вероники расстелил матрац на грязном полу. – Устал как собака. Номер нам, конечно, достался хуже, чем в деревенском трактире, но если взглянуть с другого бока… Мы могли бы сейчас плыть по течению – мертвые, раздутые, облепленные жадными рыбешками…

– Тьфу ты, Лексей Петрович! – всплеснула руками Вероника. – Типун вам на язык!

– Ладно, ладно! Все позади. Мы живы. Даст Бог, дошлепаем до Маракайбо, а там посмотрим.

Аните очень хотелось снять мокрую одежду, развесить ее для просушки. Но спать голой или в нижнем белье на этом гадком ложе… Бр-р-р!

Легли, не раздеваясь: Анита на койке, Максимов на тюфяке, а Вероника, подобрав юбки, прикорнула прямо на полу, привалившись к стене.

Качка мало-помалу унялась, свист ветра, прорывавшийся сквозь щели, стал тише, но, невзирая на смертельную усталость, сон не шел.

– Алекс, – Анита поежилась, потому что по ней пробежало что-то маленькое и гнусное, – как тебе эта шхуна? Капитан, команда… Странные они, правда?

– Не знаю, – откликнулся он дремотно. – Если ты про то, что они из разных стран, то это в порядке вещей. На Карибах какого только сброда не встретишь! Со всех концов Земли…

– Насколько я поняла, среди них много дилетантов. Парфюмер Мак-Лесли, артиллерист Рамос, индус с мавром тоже не похожи на моряков. Да и сам капитан Руэда… Он корчит из себя Фрэнсиса Дрейка, а на деле, держу пари, больше привык к салонам, чем к таким вот корабельным клоакам.

Она бы говорила еще, но Алекс, лентяй из лентяев, заявил, что ночь – не самое удачное время для дискуссий и что после треволнений сегодняшнего дня категорически необходимо отдохнуть. Завтра они проснутся в другом настроении, и атмосфера на корабле предстанет перед ним совсем по-иному.

Выдав сию тираду, он бессовестно захрапел. Поворочавшись с боку на бок, заснула и Анита. Сон, однако, длился недолго – час или два. Она пробудилась от того, что кто-то тянул ее за штанину.

– Кто здесь? – во мраке она не сразу разобрала, что происходит, испугалась, не пробрался ли в каюту одичалый австралиец или громила-негр.

– Это я, Анна Сергевна, – зашептала ей в ухо Вероника. – Не полошитесь…

– Чего тебе?

– Мутит меня… Не знаете, часом, где у них, на энтом корыте, отхожее место?

Аните несколько раз доводилось плавать пассажиркой, и она уповала на то, что все корабли сконструированы примерно одинаково.

– На носу посмотри. Там должна быть дырка, над ней – сиденье и веревки… Держись за них крепче, а то за борт смоет.

Получив наставления, Вероника вышла из каюты. Дверь осталась приоткрытой. Снаружи сочилась блеклая лунная желчь. Это означало, что тучи рассеиваются и после того, как окончательно уляжется шторм, можно ждать сносной погоды.

Тишину прорезал нечеловеческий вопль. Анита как подброшенная вскочила с койки.

– Алекс!

Он тоже подпрыгнул, стукнулся макушкой о потолок.

– Что случилось?

– Не знаю… Но это Вероника!

Служанка вбежала ни жива ни мертва. Легкий кружевной чепчик – ее привычный головной убор в южном климате – съехал набок, волосы растрепались, а из полуоткрытого рта вырывалось бессвязное:

– Там… этот… басурманин…

– Ты про кого? – Анита взяла ее за плечи, тряхнула: – Говори толком!

Вероника собралась и на одном дыхании выпалила:

– Индиец… на палубе лежит… как есть мертвяк!

Глава вторая
03:00–05:00

Удар в спину. – Рассказ бывшего старателя. – Осада фок-мачты. – Первый подозреваемый. – Анита роется в чужих вещах. – В гостях у капитана. – Дерево из Восточной Азии. – Апостол Андрей и колесо Дхармы. – Часы бьют четверть пятого. – Неукротимая ярость. – Сеньор Руэда в роли переговорщика. – Неожиданная развязка. – Трюм. – Шхуна поднимает паруса. – Клич петуха в неурочный час. – Улыбка на мертвых устах.

Пронзительный крик Вероники перебудил всех на корабле, и когда Анита с Алексом добежали до места происшествия, там уже собралась команда во главе с капитаном Руэдой.

Зажгли фонари и осветили скорченного Санкара. Он лежал возле левого борта, сжимая в руке огарок фальшфейера. Под его лопаткой расплывалось бурое пятно, посредине которого виднелся разрез длиной не меньше двух дюймов.

– Убит, – объявил Руэда, осмотрев рану. – Ножом в спину, прямо в сердце. Умер моментально.

– Профессиональный удар! – оценил Максимов, повидавший на своем веку немало жестоких деяний. – Ножа, конечно, нигде нет?

– Если убийца не дурак, он выбросил оружие в море, – заметила Анита.

На палубе при беглом осмотре не обнаружилось ни кровавых следов, ни оброненных предметов. По распоряжению капитана труп обыскали. Под полотнищем, которое индус наматывал на себя вместо одежды, не нашлось ничего, разве что амулет на шелковой нитке, надетый на шею убитого. Анита вгляделась в затертый образок и различила на нем изображение бородатого мужчины, из-за плеч которого выглядывали перекладины косого креста.

Она показала образок капитану.

– Вы знаете, что это?

– Понятия не имею. Санкар не любил рассказывать о своих побрякушках.

В толпе матросов шумели, переговаривались на разных языках. Анита увидела смоляного Нконо, плосколицего боцмана-японца, аборигена Джимбу, на этот раз нарядившегося не в карнавальный костюм, а в латаный плащик. Присутствовали и те, кто не был ей знаком: голубоглазый юноша со свежим безусым лицом (надо полагать, юнга Парис), заросший рыжим курчавым волосом мужик в парусиновой рубахе и таких же штанах… Определение «мужик» само пришло на ум, ибо он более всего походил на крестьянина из русской глубинки.

Где-то у кубрика качнулась косматая тень. Анита приподнялась на цыпочки, чтобы выяснить, кто это, но тут к бездыханному Санкару протолкался Рамос, он кипел как тульский самовар.

– Кто это сделал?

Он повернулся к капитану, словно тот знал ответы на все вопросы. Руэда куснул трубку и выдал:

– Проведем расследование. Кто нес вахту вместе с ним?

– Я, сеньор, – из рядов выдвинулся широкоплечий детина с редкими пучками волос на лысеющей голове и шрамами от ожогов на щеках.

– Кто это? – шепотом поинтересовалась Анита у Рамоса.

– Хардинг. Он из Сан-Франциско, американец. Искал золото в Калифорнии, не преуспел…

Еще один неморяк, отметила она. А Хардинг начал говорить, монотонно и сипловато:

– Санкар стоял на руле, я жег фальшфейеры. Потом он попросил подменить его, сказал, что глаза устали. Я стал к штурвалу, он ушел на бакборт. Больше я его не видел, но слышал, как он отбил пять склянок.

– Он не звал тебя? Не кричал? – допытывался Руэда.

– Нет. Я ничего не слышал до того момента, как эта… – бывший золотодобытчик посмотрел на Веронику, гадая, как правильно ее обозначить, – как она подняла гвалт.

Служанка уже передала Аните детали своего похода в уборную. Шла она, значит, в потемках, держась за леер, натянутый вдоль левого борта, как вдруг споткнулась обо что-то мягкое. Нагнувшись, пригляделась и завопила во все горло. Это был он, индус. Уже неживой. А рядом? Рядом ни души. Ну, то есть ей так показалось, а в следующий миг она уже неслась сломя голову в каюту к господам.

Руэда, выслушав Хардинга, отправил его обратно к штурвалу, поскольку судно уже несколько минут шло никем не управляемое, после чего задал несколько вопросов присутствовавшим: кто где был в момент убийства и кто что видел. Как и следовало ожидать, ответы не внесли ясности в картину преступления. Капитан сидел у себя, прикидывал на карте, как бы половчее скорректировать маршрут, если шхуну отнесло сильно в сторону, а остальные, помимо вахтенных, спали в кубрике.

– Я тоже закемарил, – винился Рамос. – Лег на койку Санкара и – как отрезало. Кто входил, кто выходил – пес его знает…

Анита, видя, что следствие зашло в тупик, выскользнула из освещенного фонарями круга и, оказавшись за спинами матросов, поманила к себе Алекса и Веронику.

– Идемте! Надо подумать, а они мне мешают…

Возвратились на ют. Анита хотела прилечь на койку, так как тело после вчерашних вынужденных упражнений ломило нещадно, но раздумала. Вши и тараканы вряд ли простимулируют мозговую деятельность. Она принялась ходить из угла в угол: два шага туда, два обратно. Максимов с Вероникой, чтобы не занимать собою лишней территории, почтительно застыли на пороге.

Версия уже сложилась, когда из-за пределов каюты донеслась громкая брань, сопровождаемая звуками сочных оплеух.

– Что там еще?

Анита выглянула из дверного проема.

У фок-мачты разгорелась потасовка. Создавалось впечатление, что человек шесть или семь набрасывались на одного, а он отбивался. С кормы разобрать, кто с кем дерется, было трудно, и Анита устремилась в носовую часть корабля, увлекая за собой Максимова. Вероника помедлила, не зная, где безопаснее, затем юркнула в каюту и заперлась на засов.

Наседали, как выяснилось, на африканца Нконо. Он, как заправский кулачный боец, опрокинул свингами и апперкотами дикаря Джимбу и рыжего мужлана, чье имя было Аните неведомо, но когда с двух сторон подошли Накамура и силач Мак-Лесли, нервы у арапа сдали. Он решил, что силы неравны, и шустро, как шимпанзе, полез по вантам на мачту. Добравшись до реи, переполз на нок, свесился оттуда и зычно прокричал:

– Кто сунется ко мне, того сброшу!

Из капитанских апартаментов вышли Руэда и Рамос, последний держал в руках ружье – разработанный полвека назад штуцер Бейкера, сочетавший в себе современный нарезной ствол и устаревший кремниевый замок.

– Нконо, не балуй! Слезай по-хорошему! – скомандовал мексиканец и поднял ружейный ствол, держа железный коготь на спусковом крючке.

Анита заторопилась к капитану и его помощнику, неловко поставила ступню на мокрые доски, поскользнулась и упала бы, не окажись поблизости шотландского Геркулеса. Он удержал ее от падения, а она безотчетным движением схватилась за ворот его штормовки. Материя,

и без того надорванная, разошлась еще вершка на два книзу. Мак-Лесли издал нелюбезное мычание.

Анита, не транжиря времени на извинения, толкнула Рамоса под локоть, сбила ему прицел.

– Что вы делаете, сеньор! За что вы так с ним?

– Вы бы не вмешивались, сеньора, – процедил мексиканец недружелюбно. – Всем известно, что это Нконо прикончил Санкара. Он должен получить по заслугам.

– Почему вы так уверены в его виновности?

– Считайте, что это истина, сеньора. Да вы и сами видели… Он злился на Санкара, подозревал, что тот его дурит, когда они играют в карты. Нконо – он такой: если вожжа под хвост попадет, то и себя не помнит… Ребята в кубрике слышали, как он грозился разделаться с Санкаром. И нож у него есть подходящий.

– Кто слышал? – не отставала Анита. – Им можно верить?

– Мак слышал. Еще Джимба, Хардинг, Парис, Карл… Половина команды!

– Карл? Кто это? Тот рыжий?

– Да. Он рыбак из Скандинавии… И по-вашему, все они врут?

У Аниты не нашлось контраргументов, и Рамос, забыв про нее, снова нацелил ружье на африканца, восседавшего на конце реи. Буря почти утихла, качало слабо, сгрудившаяся у основания мачты команда направила лучи фонарей вверх, и Нконо представлял собой прекрасную мишень для меткого стрелка.

– Капитан! – взмолилась Анита, дернув Руэду за рукав. – Прикажите, чтобы его пока не убивали!

– Я сам этого не хочу, – признался сеньор Руэда и приказал: – Рамос, уберите ружье. Попытаемся договориться без стрельбы.

Анита убедилась, что расправа откладывается, и отвела Максимова подальше от галдевшего экипажа.

– Алекс, идем со мной! Без тебя я не справлюсь.

– Куда? – заморгал он непонимающе, но она уже тащила его к кубрику, озираясь, чтобы удостовериться, что никто за ними не следит.

– Пока они ловят своего сенегальского друга, мы произведем обыск.

– Обыск? Нелли, ты спятила! На каком основании?

– На основании моих подозрений. Не бойся, я все беру на себя. Твоя задача – постоять у входа и проследить, не идет ли кто-нибудь. В случае чего подашь мне сигнал.

– Какой?

– Алекс, ты несносен! Почему я все должна придумывать за тебя? Ну… спроси, например, где тут у них кухня.

Максимов заметно нервничал, задуманное Анитой ему не нравилось.

– На кораблях нет кухонь. Есть камбузы.

– Тогда спроси, где камбуз. Главное, уведи его подальше и дай мне возможность выбраться…

– Кого увести?

– Того, кто придет! – Анита потеряла терпение. – Перестань валять дурака, сосредоточься!

Дверь в кубрик была приоткрыта и, судя по всему, никогда не запиралась. Анита предусмотрительно пересчитала всех, кто осаждал мачту, и не опасалась непредвиденных столкновений. Алекс остался у входа, а она вбежала в кубрик, где вяло горела свеча, прилепленная посреди стола, подвешенного на четырех отрезках ржавой цепи.

Здесь было восемь коек – таких же, как в каюте Рамоса. Под ними Анита увидела восемь стандартных рундуков, вытесанных из сосны и укрепленных железными уголками. Ее интересовал один, конкретный – но как его определить?

Она призвала на подмогу интуицию и сунулась в ближайший к двери ящик. Не тут-то было! Крышка не поднималась, ее удерживал замок. Быстро оглядев его, Анита решила, что он не содержит в себе особенных хитростей, извлекла из волос уцелевшую при крушении аэростата шпильку и вставила ее в замочную скважину. Десяти секунд оказалось достаточно, чтобы справиться с несложным устройством.

Откинув крышку, она углубилась в изучение внутренностей рундука. Плитка табака, набор игральных карт, пузырек с неизвестной жидкостью (отвинтила колпачок, понюхала – ощутила слабый сладковатый аромат), дагерротип миловидной негритяночки… Аниту кольнуло разочарование. Это был не тот рундук. Она поспешно заперла его и принялась за соседний. Второпях вскрыла замок, заглянула под крышку. Ага, кажется, то, что надо! Пара башмаков на слоновью ногу, ворох смятых носовых платков, бумажный пакетик с белым порошком, колечко из затейливо переплетенной проволоки… А это что? Она вынула полотняный мешочек, развязала горловину и обнаружила то, что искала. Теперь прочь отсюда!

Но в этот миг из-за двери раздались голоса.

Говорил Алекс. Мямлил, спотыкался, явно чувствуя себя не в своей тарелке:

– Сударь… не подскажете… в смысле, не покажете, где тут у вас камбуз?

Ему отвечали надтреснуто, как бывает во время простуды:

– Камбуз? У нас его нет. Нконо стряпает прямо на палубе, там у него таганок есть, кастрюли в шкафчике… А зачем вам камбуз?

Хардинг, определила Анита. Чего его сюда понесло? Его вахта кончилась, это понятно. Но пошел он не к мачте, где собрались все свободные от дел члены экипажа, а на отдых в кубрик. Или беднягу-африканца уже посадили под арест? Если так, то сейчас сюда нагрянет вся команда. Вот будет конфуз, когда они застанут здесь сеньору, шарящую по чужим рундукам…

– Живот подвело, – натужно вывернулся Максимов. – Перекусить бы чего-нибудь…

– Припасы в трюме. Бочки с солониной, крупа… Но если желаете, у меня в кубрике есть сухари, могу поделиться.

Анита затравленно окинула взглядом западню, в которую ее угораздило попасть. Висячий стол, висячие кровати – спрятаться совершенно негде. Второго выхода нет, только круглое окошечко-иллюминатор. Оно не закрыто, но отверстие уж больно узкое.

– Нет. Спасибо… А скажите, этот Нконо… его поймали?

Алекс тянул волынку, как мог, но было очевидно, что Хардинг рано или поздно войдет в кубрик, и тогда все пропало.

Была не была! Анита сняла волглый пиджак, закутала в него найденный в рундуке мешочек и просунула сверток в окно. Он мягко упал снаружи. Теперь можно и самой… Она выдохнула, ступила ногой на шаткую койку и стала протискиваться в окованную медью окружность. Поначалу все шло хорошо. Голова, плечи, грудь… Вдевая себя как нить в игольное ушко, она наполовину высвободилась, но бедра – бедра застряли!

Она дернулась вперед, назад – бесполезно. Хоть плачь… Единственный плюс: на палубе темень, едва ли кто разглядит ее, даже если пройдет мимо. Но это так себе утешение.

Анита услышала, как Хардинг пожелал Максимову спокойной ночи. Еще мгновение – и он войдет в кубрик и узреет болтающиеся ноги и пикантную часть тела, торчащую в иллюминаторе. Какой позор!

– Подождите! – вскричал верный Алекс и, судя по шороху, перехватил Хардинга, уже направлявшегося в кубрик. – Что это?

– Где?

– Вон там… над морем… Смотрите!

Молодчина, он делал все возможное, чтобы выполнить свое боевое задание. Сейчас, когда Хардинг, надо думать, отвернулся от двери, самое время выскочить и раствориться во мгле. Но не выскочишь… Засела как муха в паутине, ни туда, ни сюда.

Побарахтавшись, Анита обмякла. Ее душило унижение. Найдись под рукой пистолет или кинжал – покончила бы с собой, честное слово!

Мысли делались все безотраднее, она зажмурилась, готовясь услышать за спиной глумливый хохот, но вдруг кто-то сгреб ее за шиворот и, точно рыбу из лунки, выдернул из треклятого иллюминатора. Осторожно ее положили плашмя на палубу, и в ту же секунду стукнула дверь кубрика – это вошел Хардинг. Он бубнил под нос что-то вроде: «Идиот! И чего ему померещилось?» Вероятно, это относилось к Алексу. Американец погасил свечу, зашуршала койка, скрипнула балка, к которой она была подвешена. Хардинг улегся спать.

Анита встала, нашарила подле себя пиджак с завернутым в него мешочком. Она силилась проникнуть взглядом сквозь окружавшую ее кромешность, но где там! Удалявшиеся шаги, сопровождаемые учащенным дыханием, свидетельствовали о том, что ее спаситель желает остаться неузнанным. Она бы окликнула его, но через распахнутое окно ее обязательно услышит Хардинг, а выдавать себя нельзя ни в коем разе.

Она подавила искушение немедленно узнать, кто же выступил в роли благородного рыцаря, поднялась на ноги и, стараясь не шуметь, надела пиджак.

Из-за угла показался обеспокоенный Алекс. Увидев ее, сдавленно прошипел:

– Ты здесь? Я думал, он тебя застукает…

– Не застукал. Спасибо за поддержку, без тебя мне пришлось бы худо… Но идем, у нас есть дела!

Анита решила пока что не посвящать Алекса в нюансы своего спасения. Узнает о неведомом выручателе – неизвестно как себя поведет. Еще чего доброго взревнует.

Нконо все так же сидел на фок-мачте, ругался то по-французски, то по-сенегальски и плевал на головы осаждавших, число которых заметно убавилось. Анита насчитала троих: среди них были рыжебородый Карл, австралиец Джимба и юнга Парис. Они уговаривали мятежника слезть и сдаться, но он еще пуще заводился и говорил, что лучше спрыгнет с реи и разобьется насмерть, чем признается в убийстве, которого не совершал.

– А ведь он и вправду не убивал Санкара, – шепнула Анита Максимову. – И я собираюсь это доказать.

– Ты знаешь, кто убийца?

– Задачка не из сложных. Я иду к капитану, а ты пригляди за этими… – Она подтолкнула его к троице, окружившей мачту с африканцем. – Не похоже, чтобы они собирались его растерзать, но все-таки…

Действительно, в перебранке, которую вели между собой Нконо и его преследователи, не чувствовалось лютой ненависти. Загнанный в капкан кок был по природе своей экспрессивен, поэтому в оскорбительных выражениях и плевках, рассыпаемых им направо и налево, виделось в первую очередь проявление его натуры. Коллеги знали об этом и не распалялись. Они ничем не угрожали Нконо, у них и оружия-то не было.

Максимову хотелось услышать, о чем Анита будет говорить с сеньором Руэдой. Однако она вознамерилась идти одна, и ему пришлось смириться. По опыту он знал, что она потом все расскажет, надо лишь набраться терпения.

Дверь капитанской каюты – рубки на корабельном полубаке – запиралась изнутри. Анита, прежде чем постучать, приникла к щели, образовавшейся после того, как выпал сучок в дюйме от дверной ручки. Внутреннее убранство каюты было таким же аскетичным, как и все на этом судне. Разница заключалась в том, что, в отличие от кубрика и кельи Рамоса, лежанка здесь была не подвесной, а стояла на четырех ножках, возможно, прибитых к полу. Слева от нее,

прямо напротив двери, высился облупленный шкаф, а перед ним, за круглым столом, сидели на стульях сеньор Руэда и его помощник.

Больше Анита ничего не сумела разглядеть. Стукнула костяшками пальцев в дверь и громко назвала свое имя.

Капитан впустил ее, не выказав ни радости, ни недовольства. Что до Рамоса, то Аните почудилось, будто его рот исказила гримаса, тут же исчезнувшая.

За порогом ее ждали несколько открытий, которые невозможно было сделать, глядя в щелку. Во-первых, справа от кровати стоял сундук гораздо больших размеров, чем те, что она видела в матросском кубрике. Во-вторых, сбоку от двери в такт корабельной качке то накренялась, то выпрямлялась башня из полированного дерева, скрывавшая в себе часовой механизм. Циферблат с золочеными цифрами и ажурными стрелками находился на самом ее верху. Человеку среднего роста, каким был Руэда, трудновато было бы до него дотянуться. Часы мерно стучали и показывали начало пятого. Близилось утро.

Капитан предложил Аните сесть, освободив для нее свой стул, а сам переместился на кровать и чинно раскурил трубку.

– Чем могу быть полезен, сеньора?

Анита стрельнула глазами в сторону Рамоса. Не сочтя его способным помешать осуществлению замысла, она смело заговорила:

– Сеньор Руэда, я прошу вас оставить в покое Нконо и арестовать Мак-Лесли.

– Мак-Лесли? – у Руэды дрогнула рука, и он просыпал табак. – Но, во имя всех святых, по какому поводу я должен его арестовать?

– Это он убил Санкара.

– Исключено! – вмешался Рамос. – У него не было причины…

– Вот причина, – Анита выложила на стол мешочек, найденный в рундуке шотландца. – Узнаете?

Она высыпала перед Рамосом и капитаном обломки дерева. Смотрелись они, прямо скажем, невзрачно: коричневый оттенок, черные полоски, налет плесени.

– Что это? – поднял брови капитан.

– Я видел это у Санкара, – вспомнил Рамос. – Но он никогда не говорил, что это такое.

– Это райское дерево, – Анита взяла один из обломков, поднесла к горевшей на столе масляной лампе. – Видите? Характерный цвет, смолистые волокна… Ценится именно такая древесина – старая, заплесневелая, почти трухлявая.

– Что же в ней ценного? – спросили в унисон Руэда и Рамос.

– Это самое дорогое в мире лекарство. Им лечат желудочные инфекции, болезни сердца, печени и многое другое. Смола его используется также в парфюмерии для приготовления благовоний. В Америке райское дерево покупают по пять-шесть тысяч долларов за килограмм. Этой суммы хватит, чтобы приобрести два новых дома в Бруклине. Так что Санкар обладал, по нынешним меркам, целым состоянием. Думаю, он привез это богатство из Восточной Азии, где оно растет в дикой природе, и собирался продать за хорошие деньги.

Руэда с сомнением рассматривал неприглядные деревяшки, верил и не верил.

– Но при чем тогда Мак-Лесли?

– Вы сами говорили мне, что он десять лет работал парфюмером. С таким стажем он не мог не знать, что такое райское дерево и сколько оно стоит. Если учесть, что он нищ, эти обломки для него – подарок фортуны. С их помощью он рассчитывал поправить свое материальное положение.

Часы на стене с натугой пробили четверть пятого. Рамос встал со стула, вынул из кармана ключик, вставил его в дырочку, черневшую на циферблате, и – крак, крак – завел механизм. Действовал он левой рукой, не снимая с нее перчатки. Часы словно приободрились, затикали громче.

– Спасибо, Рамос, – поблагодарил помощника Руэда и разъяснил для Аниты: – Эту штуковину надо заводить два раза в сутки, а она высоковата, мне не дотянуться.

Аниту мало интересовали подробности обслуживания часов, она ждала, что капитан скажет по поводу ее гипотезы. Но он попыхивал трубкой, обдумывал. В конце концов, заговорил Рамос:

– Мак – убийца? Не верится. При его силище, конечно, не составило бы труда вогнать нож в Санкара, но он такой добряк… Есть ли у вас доказательства, сеньора?

– То, что он присвоил имущество Санкара, – это не доказательство? – Аните не нравилось, когда ее выводы ставили под сомнение. – Они были знакомы еще до того, как попали к вам на шхуну. Я бы даже назвала это больше, чем знакомством. Помните амулет на шее у Санкара? На нем изображен апостол Андрей, покровитель Шотландии. Я подумала: откуда у индуса христианский оберег? Посредством одного простого трюка мне удалось подглядеть, что у Мак-Лесли тоже есть талисман – бронзовая пластинка, а на ней нарисовано колесо с восемью спицами. Это ранний символ буддизма. Вам понятно?

– Не совсем, – признался Руэда, однако трубку изо рта вытащил и слушал с возрастающим интересом.

– Ну как же! Они обменялись амулетами, то есть стали побратимами. Видимо, Мак-Лесли старался втереться в доверие к Санкару, чтобы быть рядом с ним и не вызывать у него подозрений. Не исключаю, что это он подбил его наняться к вам на судно. Санкар совсем не моряк, к тому же логичнее было бы отправиться в Соединенные Штаты, где за райское дерево дали бы настоящую цену. Но он пошел с вами в Венесуэлу, и этот рейс обернулся для него несчастьем… Мак-Лесли рассчитал, что в море, где свидетелей раз-два и обчелся, совершить убийство будет проще.

Рамос поднял руку, готовясь что-то возразить, но снаружи в каюту ворвался нечленораздельный рев. Руэда выронил трубку.

– Кашалота мне в глотку! Что там еще?

Анита выскочила на палубу. Лунная желтизна просеивалась сквозь дымку, оставшуюся после того, как пронесся ураган. В этом неверном свете она разобрала движение темных фигур возле кубрика. Одна из них была столь монументальной, что ее нельзя было спутать ни с какой другой. Мак-Лесли! Его силуэт дополняло что-то прямоугольное, воздетое кверху и сотрясаемое мощными руками.

Рундук! – угадала Анита. Мгновением позже сбоку полыхнул огонь факела – это прибежал кто-то из осаждавших фок-мачту. Пламя озарило шотландца, который в звериной ярости ревел и мычал, а после грохнул рундук об палубу и расколотил его вдребезги.

– Свихнулся! – услыхала Анита боязливый шепоток юнги Париса (это он и примчался с палкой, на которую была намотана горящая пакля).

Из капитанской каюты выбежали Руэда и Рамос, последний держал ружье.

– Все назад! – приказал капитан. И отдельно Рамосу: – Не стреляйте! Я с ним поговорю. Я немного понимаю язык жестов…

Руэда храбро подошел к взбеленившемуся гиганту и спросил его о чем-то. Тот растоптал ножищами бренные останки рундука и принялся мычать, размахивая руками. Руэда коротко кивал, задавал встречные вопросы. Все это продолжалось минут пять. Анита и не заметила, как вокруг нее, помимо Рамоса и юнги, выстроились Максимов, Накамура, Джимба… Из кубрика выглядывал Хардинг. Уж он-то должен был видеть, из-за чего с Мак-Лесли произошла эта вспышка. Впрочем, Анита и так знала причину.

– Райское дерево, – еле слышно молвила она Алексу по-русски. – Я обчистила его рундук, вот он и бесится.

Капитан прилагал дипломатические усилия, чтобы унять буяна, но тот распалялся все сильнее. Схватил сорванный ветром со щита и валявшийся у стены деревянный молоток и

обрушил на планшир чудовищный удар. В море вывалились две отскочившие от борта доски, а рукоять молотка переломилась пополам. Руэда, не желая попасть под раздачу, отступил, а Мак-Лесли начал метаться по палубе в поисках нового оружия.

Среди матросов возник ропот. Рамос клацнул затвором ружья.

– Все-таки придется его подстрелить, иначе он всех нас укокошит…

Но выстрел так и не грянул. Мак-Лесли, сделав широкий шаг к мачте, внезапно зашатался и рухнул на спину. Такого никто не предвидел, и все хором ахнули. Руэда решился приблизиться к упавшему Голиафу. Он наклонился, взял шотландца за запястье, проверил пульс.

– Он мертв? – спросила Анита, холодея.

– Нет… Похоже, потерял сознание.

– С ним иногда случается, – подтвердил Хардинг и осмелился выйти из кубрика. – Ни с того ни с сего валится без чувств.

– Без причины? – усомнился Максимов. – Разве так бывает?

Рамос опустил ружье.

– Я не разбираюсь в медицине, сеньор, но могу сказать, что если б не этот обморок, произошло бы что-то нехорошее. Либо я бы его пристрелил, либо он проломил бы кому-нибудь черепушку.

– Связать его… связать! В кандалы! – вразнобой заговорили матросы.

Капитан рассудил иначе:

– Снесите его в трюм. У нас там есть железный ларь, в нем в прошлый рейс перевозили ягуара.

– По-вашему, это гуманно? – Анита передернула плечами, представив, как тушу шотландца будут запихивать в узкую клеть.

– Гуманнее, чем заковывать его или перетягивать веревками.

Понадобилось несколько окриков боцмана Накамуры, чтобы матросы преодолели робость и рискнули поднять недвижное тулово Мак-Лесли. Со всеми предосторожностями его спустили в трюм. Анита тоже заглянула туда. В пространстве, напоминавшем подпол деревенского дома и заставленном разнокалиберными бочонками, угадывались очертания большого короба с прорезанной в торце дыркой, через которую внутрь должен был поступать воздух. Капитан лично отпер амбарный замок, запиравший дверцу, врезанную в фасад короба. Ее открыли, внесли внутрь Мак-Лесли и аккуратно уложили на подстилку из сена. После этого сеньор Руэда запер замок, ключ положил в карман и во всеуслышанье подытожил:

– Вот так. Здесь ему будет достаточно просторно, и в то же время никто не пострадает, если он, когда очухается, снова вздумает громить все подряд.

– Выдержит ли ящик? – засомневался Алекс.

– Выдержит. Это первосортное железо, оно используется для изготовления новейших пароходов, которые ломают лед на реках…

Покинув трюм с оставленным в нем узником, Руэда не спешил к себе в рубку. После того как прекратился шторм, жечь фальшфейеры перестали, по бортам корабля и на корме подвесили три фонаря, еще один пристроили на грот-мачту, он висел высоко и его жиденький брезжащий свет дотягивался до самых отдаленных уголков палубы. Капитан дымил трубкой и из-под насупленных бровей оглядывал свое судно. Его лицо ничего не выражало, однако не требовалось телепатических талантов, чтобы определить: на душе у сеньора Руэды неспокойно.

Над морем властвовала ночь, рассвет еще не тронул небо розовой кистью, но никто из экипажа не спал. Матросы собирались группками и перешептывались. Гибель Санкара и арест Мак-Лесли поразили всех. Реабилитированный Нконо примкнул к Хардингу и Джимбе и что-то им доказывал, позабыв, что эти двое полчаса назад обвиняли его в убийстве и пытались задержать. Лишь рыжий скандинав, стоявший у штурвала, казался воплощением бесстрастно-

сти. Являлось ли это проявлением его флегматичного нордического нрава или его и правда не волновало творившееся на борту – Бог весть.

– Пусть поднимут паруса, – распорядился Руэда, обратившись к Рамосу. – Хватит дрейфовать, буря нам уже не грозит.

Можно было не форсировать события, отголоски урагана еще слышались вдалеке, но Анита истолковала этот приказ так: пусть команда займется делом, нечего попусту языками чесать.

Воспользовавшись тем, что вездесущий и прилипчивый Рамос отошел к боцману, и они вдвоем стали распределять матросов по мачтам, Анита услала Алекса к Веронике – проверить, не померла ли та со страху, – а сама подступила к капитану.

– Сеньор Руэда, если не секрет, о чем вы говорили с Мак-Лесли?

Капитан выдохнул облако табачного дыма.

– Я спросил напрямую, не он ли убил Санкара. Он взъерепенился, стал мычать… Я понял, что Лесли отрицает свою вину. Мол, они с Санкаром были не разлей вода, он бы и пальцем его не тронул.

– А как же деревяшки, которые он украл?

– Лесли настаивает на том, что это произошло уже после убийства. Будто бы Санкар сам завещал ему свое добро. Попросил, если что-нибудь случится, забрать весь запас райского дерева, продать и часть вырученных денег переслать в Индию. Там у Санкара какая-то родня.

– То есть он предчувствовал, что с ним что-то произойдет?

– Откуда мне знать, сеньора? – хмыкнул Руэда. – Мне сказал об этом Мак… И то – не сказал, а промычал, поэтому нет уверенности, что я все понял правильно. Вот он очнется, тогда и расспросим.

– Вы склонны ему доверять?

Капитан ответил не сразу, помешал табак в трубке стальной проволочкой и зачадил еще сильнее – как английский локомобиль.

– Нашему знакомству с ним – без малого десять лет. И у меня не возникало повода упрекнуть его во лжи или в предательстве. Ваши предположения убедительны, но будь я проклят, если могу вообразить себе Мака, втыкающего нож в хребет Санкару…

Анита дала бы руку на отсечение, что в этой речи нет ни грамма фальши. Руэда искренне сочувствовал запертому в трюме великану, переживал за него.

Она призадумалась. Во всем происходящем была какая-то тайна. Посвящен ли в нее капитан? По крайней мере, он знает больше, чем говорит.

Они замолчали и – каждый со своими думами – смотрели, как расправляются паруса шхуны и как ветер наполняет их, выгибая прочные льняные холстины. Даже не прибегая к лагу, можно было сказать, что судно набирает ход.

– Простите, сеньора, – пробурчал Руэда. – Я должен дать указания рулевому.

Он выбил трубку и зашагал к штурвалу. Анита еще немного задержалась на палубе, пересчитала моряков на мачтах, убедилась, что все, помимо заключенного в короб Мак-Лесли, в наличии, и пошла к себе в кормовую каюту.

Там она застала мирную экспозицию: Вероника, свернувшись калачиком, посапывала на тюфяке, а Максимов сидел на койке и покачивался, отталкиваясь ногой от пола.

– Дрыхнет, – показал он на служанку, хотя факт был нагляден и в комментариях не нуждался. – Еле добудился, чтобы она мне дверь открыла. Вошел, а она опять на матрац – и в сон…

– Пусть спит, – Анита пристроилась рядом с ним и поежилась; на воздухе, пропитанном послештормовой свежестью, было прохладно, хотелось прижаться к теплому боку Алекса и согреться, что она и сделала.

Он обнял ее, прижал к себе. С расспросами не приставал, за что Анита была ему благодарна. Ей требовалось сейчас одно: посидеть в относительном спокойствии и еще раз прове-

рить звенья выстроенной ранее логической цепочки, чья незыблемость уже не казалась абсолютной.

Если Мак-Лесли был давним знакомцем Санкара, то почему тянул с убийством? Не проще ли было провернуть все на суше в какой-нибудь портовой ночлежке, битком набитой неблагонадежными элементами? И неужели он надеялся, что капитан, расследуя ночное злодеяние, не учинит досмотра личных вещей и не обнаружит похищенное у индуса райское дерево?

Руэда, будем откровенны, тоже ведет себя не так, как должно. Аморфен, инициативы не проявляет. Небось, рад был бы пустить дело на самотек. Что-то тут не так…

От безответных вопросов глаза у Аниты слипались, мысли путались, и она стала проваливаться в сонный омут. Петушиный крик, пусть и приглушенный, но вполне различимый, заставил ее встряхнуться и вскинуть голову.

– Где это? – пробормотал Максимов, тоже наполовину погрузившийся в дрему. – Ах, да… в трюме… Свежий провиант…

– Который час? – забеспокоилась Анита.

Алекс сверился с водонепроницаемым хронометром, висевшим над дверью.

– Без пяти пять. А что?

– Обычно петухи в такое время не поют… Может, Мак-Лесли пришел в себя и напугал его?

Сон как норд-вестом выдуло. Анита спрыгнула с койки и переступила через почивавшую Веронику (вот кого из пушки буди – не разбудишь!). Обернулась к Алексу.

– Ты со мной?

– Спрашиваешь! Одну ни за что не отпущу.

Когда они вышли из своей затхлой комнатушки, аврал на шхуне уже закончился. Корабль под всеми парусами держал путь на юг, а команда, выполнив работы, разбрелась по палубе. Хардинг сидел на кнехте и курил тонкую папироску, японец у штирборта откашливался и плевал в море, Рамос шел на корму с лотом в руках, чтобы измерить глубину. Задержавшись около капитанской каюты, Анита на миг прильнула к дверной щели. Сеньор Руэда сидел за столом и водил карандашом по карте. Анита побарабанила пальцами по филенке. Капитан оторвался от своего занятия и с неизменной трубкой в зубах подошел к порогу, приоткрыл дверь.

– Вы, сеньора?

– Я… Не хотите ли с нами прогуляться в трюм? Мне кажется, Мак-Лесли уже в состоянии дать показания.

Люк, ведущий в нижний ярус корабля, не замыкался, но Анита помнила, что узилище шотландца заперто на замок, и ключ находится у Руэды. К тому же проводить допрос полагалось в присутствии официального чина, каковым и являлся шкипер.

И вот они втроем спустились по лесенке в трюм. Сеньор Руэда нес маленькую свечу, и это был единственный источник освещения, еле-еле рассеивавший густую тьму. Что должен чувствовать Мак-Лесли, придя в сознание в своей железной камере? Его-то не снабдили ни спичками, ни кресалом, и он понятия не имел, куда его ввергли.

В трюме Анита услышала только кудахтанье кур где-то за бочками, больше ничего. Капитан стукнул кулаком по стенке короба, она отозвалась гулом.

– Мак! Мак, это я!

Шотландец безмолвствовал – ни мычания, ни шевеления.

Руэда провернул ключ в замке, откинул дужку и распахнул дверцу. Просунул в короб руку со свечой, и вытянутый язычок пламени затрепетал.

– Что с ним?

Арестант лежал лицом вверх, и на его губах застыла блаженная улыбка. Он не дышал и не подавал признаков жизни.

Руэда тронул жилку у него на шее, отдернулся.

– Умер? – произнесла Анита дрогнувшим голосом.
– Да… Теперь уже точно…

Глава третья
05:00–07:00

Замешательство капитана Руэды. – Нападение призрака. – «Он скрылся!» – Шкатулка с серым порошком. – Полное неведение. – Анита проводит опасный эксперимент. – Явление оживших мертвецов. – Змея и дудочка. – Зелье мексиканских индейцев. – Кощей Бессмертный верхом на Горыныче. – Ведро с кровью. – Шаманский ритуал. – Самый быстрый нокаут. – Средства для развязывания языка. – Красотка из борделя. – Шхуна в огне. – Выстрел.

– Подержите, – капитан передал свечу Максимову и сноровисто осмотрел бездыханного шотландца.

Он разорвал на нем куртку, под которой, как и говорила Анита, обнаружился амулет в виде колеса с восемью спицами, заглянул в рот, собрал в складку кожу.

– Он мертв по меньшей мере минут десять-пятнадцать. Не зарезан, не застрелен, внешних повреждений я не вижу. И замок, как вы заметили, не был тронут.

– Умер, не приходя в сознание? – внес уточнение Максимов.

– Скорее всего, да. Но из-за чего? Сердечный приступ?

Пока они обменивались репликами, Анита осматривала изнутри короб и к чему-то принюхивалась.

– Господа, – проговорила она вполголоса, – а у вас нет ощущения, что, помимо нас, здесь есть кто-то еще?

Сильный толчок сшиб капитана с ног. Сеньор Руэда выпустил свечу и повалился прямо на Максимова. Они оба грохнулись на тронутый гнилью настил. С визгом разбежались трюмные крысы. Анита успела заметить призрака, который метнулся к лесенке, но упавшая свеча погасла, и вокруг соткалась непроглядная чернота. Призрак ввинтился в отверстие люка, выскочил на палубу и закрыл за собой крышку.

– Держите его! – рычал капитан, барахтаясь на полу. – Не дайте ему уйти!

Анита, презрев осторожность, бросилась к лестнице, но, как на грех, зацепилась брючиной за гвоздь, торчавший из перекладины. Кое-как высвободилась, вскарабкалась на самый верх, откинула крышку и разочарованно простонала:

– Его нет… Ушел!

Правильнее было выразиться: убежал. Но какое это имело значение?

Сеньор Руэда, кряхтя, поднялся. Алекс уже был на ногах, шарил в поисках свечи. Когда лепесток огня вновь разогнал трюмные потемки, Анита с верхней ступени лестницы усмотрела нечто, валявшееся подле бочек. Рискуя сломать шею, она соскочила с высоты и подобрала находку.

– Смотрите!

Она держала отливавшую металлическим блеском шкатулку с выгравированным на ней черепом. Поддела ногтем верхнюю грань, та не поддалась. Пришлось повозиться, отыскать сбоку хитрую защелку. Шкатулка открылась, внутри покоился мельчайший, словно пудра, порошок, от него исходил слабый запах сушеной растительности.

– Чье это? И для чего?

Сеньор Руэда пожал плечами.

– Впервые вижу.

Не похоже было, чтобы он лгал. Его, как и Аниту с Алексом, озадачило нежданное появление неизвестного, чью личность они так и не смогли установить.

– Вы разглядели его, сеньора? Рост, внешность? Какие-нибудь приметы? – капитан, расспрашивая, водил свечой над полом, высматривал выпавшую трубку.

Анита призналась, что кратчайший отрезок времени, на протяжении которого она видела незнакомца, оказался недостаточным, чтобы составить даже приблизительное представление о том, кто это мог быть. По сути, она видела лишь двигавшееся пятно, без определенных очертаний.

– Этот ларчик – все, что он оставил нам на память, – заключила она и закрыла шкатулку. – Вы позволите мне взять его, сеньор Руэда? Временно.

– Берите, – разрешил капитан и поднял трубку, закатившуюся за короб с телом Мак-Лесли. – Постарайтесь не потерять. Как рассветет, предъявим его команде. Может статься, кто-нибудь подскажет имя владельца.

Анита и Максимов переглянулись.

– Не значит ли это, что вы пересмотрели свое первоначальное мнение касательно смерти Мак-Лесли?

– Я разве высказывал какое-либо мнение, сеньора?

– А разве нет? Припоминаю, что вы обмолвились о сердечном приступе…

– Именно, что обмолвился. Вскользь. Я не располагаю достаточным материалом для умозаключений. А раз так, то и не имею права утверждать, что мы не столкнулись с новым убийством. Так или иначе, я желаю установить, кто прятался в трюме и почему этот тип так спешно ретировался.

Он рассуждал здраво, и Анита склонила голову.

– Вы правы, сеньор. Смею заверить, что если понадобится содействие с нашей стороны, мы к вашим услугам.

– Можете на нас положиться, – поддакнул Максимов.

Когда они покинули трюм, на востоке уже алела заря. Ночь, переполненная невероятными событиями, близилась к завершению, но это вовсе не гарантировало, что наступит спокойствие.

Руэда проинформировал оставшихся в его распоряжении членов экипажа о смерти Мак-Лесли. Сперва повисло гробовое молчание, затем Джимба разразился проклятиями по адресу подобранных невесть для чего пассажиров, которые принесли на шхуну несчастья. Австралийцу, вырядившемуся на сей раз в убор из перьев по моде американских индейцев, подпевал Нконо. Максимов вспылил, полез на них с кулаками, требуя извинений. Анита усмирила его и заставила уйти в каюту, где все так же безмятежно спала Вероника.

Руэда возвысил голос и потребовал тишины. Когда она восстановилась, был произведен допрос всех поочередно. Как и предполагала Анита, ничего путного капитан не добился. После того как Мак-Лесли посадили под замок, ни у кого и в мыслях не было следить друг за другом. Рыжий Карл стоял на руле, Нконо, пережив не самые приятные минуты, почувствовал усталость и завалился спать в кубрике. Юнга Парис, стоя у зеленого фонаря, штопал порванный рукав, боцман Накамура у противоположного борта, где горел красный свет, вглядывался в море… Короче говоря, на момент смерти шотландца у каждого нашлось занятие.

Кто-то из них лукавил, но кто? Анита тщетно наблюдала за их лицами и слушала голоса, пытаясь уловить неискренние нотки. Все говорили твердо, глаз не опускали.

– А из трюма кто выскочил? – пропыхтел Руэда, окутавшись табачной облачностью. – Тоже не видели?

Не видели. И шкатулку, предъявленную Анитой, не опознали. Капитан поджал губы, допрос прекратил и, глянув на светлеющее небо, распорядился готовиться к похоронной церемонии. Долго держать покойников на жаре было нецелесообразно и негигиенично.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.